

Интеграция и междисциплинарность психологического знания: кейс феноменологии

Тимощук Елена Андреевна

Владимирский филиал Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия

e-mail: e@timos.elcom.ru

Аннотация. В статье психология рассматривается интеграционная стратегия феноменологии. Она выступает в виде психотехники и методологии, междисциплинарного моста и дескриптивной карты.

Ключевые слова: Теодор Липпс, Эдмунд Гуссерль, дескриптивная психология, феноменология.

Integration and interdisciplinarity of psychological knowledge: the case of phenomenology

Timoshchuk Elena Andreevna

Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Russia

e-mail: e@timos.elcom.ru

Abstract. The psychology is considered in the paper as the integration strategy of phenomenology. It acts as a psychotechnique and methodology, an interdisciplinary bridge and a descriptive map.

Keywords: Theodore Lipps, Edmund Husserl, descriptive psychology, phenomenology.

Немецкий философ и психолог Теодор Липпс (1851-1914), основавший Мюнхенский психологический институт в 1895 г., известен как автор нескольких оригинальных идей в гуманитарном познании: 1) фундаментом философских наук выступает психология, 2) учение о прекрасном (эстетика) есть не что иное, как психологическая теория эмпатии, 3) феноменология – это описательная психология [6].

Взаимодействие Эдмунда Гуссерля (1859-1938), создателя феноменологии и Теодора Липпса проходило достаточно плотно: они обменивались идеями, а ученики Липпса посещали семинары Гуссерля [4]

Гуссерль полагал, что философские домены, такие как логика, этика, эстетика, а также математика – суть онтологически самостоятельны и не зависят от психологии. Несмотря на это различие, близкая связь психологии и феноменологии являются их атрибутом в силу исследования феномена сознания. Разграничение объективного и психологического, то, чему Гуссерль уделил столько внимания, сегодня представляется слишком техничным и абстрактным. В то время как общие вопросы феноменологии и психологии, – конституитивность, интенциональность, интерсубъективность, габитуальность, – вызывают живой интерес и являются весьма продуктивными.

Именно типизация явлений психологической жизни позволила Э. Гуссерлю и его предшественнику Францу Brentano (1838-1917) заложить основы феноменологии. Типизация – обобщение другого, схематическая репрезентация объектов в свернутом виде; создание опорных точек определенности для последующего разворачивания социокультурного объекта.

Сам термин *φαίνόμενον* – «являющееся», был известен еще по работам Платона, который использовал его для противопоставления явления и сущности вещи. Р. Декарт четко и ясно сформулировал проблематику феноменологии в виде методологически строгого исследования *res cogitans* или мыслящего бытия. И. Фихте принадлежит изобретение интерсубъективности, исключительно важного концепта для социальной феноменологии. Свои проекты феноменологии предложили два всемирно известных германских мыслителя – Иммануил и Георг Фридрих Гегель. Первый противопоставил два мира, мир непознанных вещей в своей закрытой объективности и феноменальный мир «вещей-для-нас». Гегель не разделяет такого агностицизма. Исходя из того, что вещь может быть познана в многообразии своих манифестаций, Гегель в «Феноменология духа» раскрывает эволюцию форм сознания в своем движении к абсолютной идее.

Гуссерль приходит с третьим проектом феноменологии. Он вкладывает в нее иной смысл, раскрывая ее как «дескриптивный, философский метод, на основе которого в конце прошлого столетия была создана: 1) априорная психологическая наука, способная обеспечить единственно надежную основу, на которой может быть построена строгая эмпирическая психология, 2) универсальная философия, которая может снабдить нас инструментарием для систематического пересмотра всех наук» [2, с. 12].

Гуссерль выступает с критикой позитивистских наук и стремится создать некую экзистенциальную тотальность смыслов бытия, существующих в причинно-следственном и пространственно-временном мире. Трансцендентальная феноменология (дескриптивная психология) становится проектом идеальной науки, которая фиксирует тонкую грань между субъективным и объективным в виде интересубъективного и выводит априорную самоочевидность вместо фактичности в качестве критерия истинности. При этом эмпиричность не ставится под сомнение, оставаясь дальним недостижимым маяком. Аподиктичность трансцендентного становится самой притягательной и проблемной точкой развития феноменологии после Гуссерля. Именно поэтому этот автор столь востребован и, одновременно, непонятен. Если психология работает с сознанием через воспроизводимые практики, то феноменология – это философия, которая стремится преодолеть спекулятивность, но не имеет для этого инструментов, кроме созерцательной установки.

Интенциональность Гуссерля оказалась весьма продуктивной для анализа общественного сознания и модусов репрезентации социокультурных объектов в исследованиях его ученика Романа Ингардена (1893-1970). Если Гуссерля часто воспринимают как «рационализированную неосхоластику», то Ингарден предложил ясное толкование феноменологии как теории социокультурного бытия. Р. Ингарден берет психологический терминологический аппарат Гуссерля и применяет его к анализу общества, что потом реализуют в развитой социологической теории Альфред Шюц (1899-1959) и его ученик Т. Лукман (1927-2016) вместе с соавтором Питером Бергером (1929-2017).

Опираясь на такие категории, как анонимность, серийность, типизация, институализация, опредмечивание (объективация) они продемонстрировали, каким образом социальные миры конструируются при помощи символических систем религии, философии, науки, искусства; как континуум обезличенных действий образует ткань событий.

Трактат Питера Бергера и Томаса Лукмана «Социальное конструирование реальности» (The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. New York, 1966) остается одним из самых влиятельных и авторитетных текстов в современной социологии. Они являют пример того, как психология может быть объективирована в социальном знании.

Жизненный мир по П. Бергеру, – это *finite province of meaning*, убежище смыслов, пристанище повседневности. Это пространство, где есть место пониманию и подвигу для своих. Повседневность получает высокий статус благодаря включенности индивида в этот мир и способности переходить от

одной повседневности к другой. Интенциональность подобна фонарю, освещающему разные аспекты реальности, подручные в настоящий момент для индивида. Своя повседневность признается нормальной, не нарушающей пределов здравого смысла. И те, кто разделяют этот жизненный мир, получают особый статус. В то время как иные, молчаливое большинство, погруженное в свою повседневность, маркируется как нейтральное. А те, кто покушается на стабильность жизненного мира, оцениваются как враги.

Актуализация Другого возвращает нас к концепции конкретизации Ингардена, который на примере художественного произведения показал, что это не только совокупность сказанного, но и сумма минус стратегий, остающихся за кадром, но подразумеваемых. Так и в социальной жизни, огромное количество процессов происходит за спиной субъекта и для того, чтобы столкнуться с ними его интенциональность должна включиться. Без интереса к иной повседневности, интенциональность остается в сумерках. В этом контексте ученый-гуманист – это тот, кто стремится свести горизонты повседневности в более широкую панораму, сделать из множества разрозненных индивидуальных набросков обобщенную социальную конструкцию.

Гуссерлевская идея трансцендентального сознания оказалась очень продуктивной. Бергер продолжил нас убеждать, что реальность и знание, особенно общественные знания, не совпадают. Человек порождает социальный мир и становится его же заложником, что хорошо прослеживается на примере социальных сетей.

Что общего между нападавшими на учащихся в Колумбайн (Колорадо) Стерлитамаке, Перми, Улан-Удэ? Медиатизация событий через социальные сети. Виктимность современных юных преступников заключается в зависимости от медиа, которые побуждают подражать злу, сделать его публичным. Жизнь в потребительском обществе имеет свои требования к выживанию, по-своему жесткие, как и правила кочевников или первобытных охотников. Это требование нравственной и интеллектуальной адекватности. Человечество создало комфортные условия жизни, однако для самосохранения в сложном, рискогенном, технократическом обществе нужна устойчивая психика.

Значение конструирования заключается в выделении себе подобных из социального субстрата и создание своего языка коммуникации для решения общих задач. Типизация создает объединяющую платформу для коллективного понимания и продвижения в создании своего практичного и удобного жизненного мира.

Политико-правовые порядки суть символические и политическая борьба – это борьба за сохранение способа конструирования социальных структур, контроль над медиатизацией реальности и легитимизации отдельных участков социальной памяти. Гуманитарной науке остается только наблюдать, как формируются горизонты конструируемой реальности

Бергер декодирует структуры жизненного мира, проясняет роль коммуникативных процессов и спонтанных связей в генерации общественного порядка. Жизнь общества – это сплав объективных количественных экономических запросов и субъективных качественных интеллектуальных ответов творческой элиты. Тип конструируемой реальности зависит от количества народонаселения. На каждом этапе развития общества – аграрном, индустриальном, постиндустриальном, создаются такие изобретения и теории, которые позволяют энергии массы людей поднять общество на новый уровень цивилизации и культуры. Те конструкты, которые имели смысл в Средние века, утрачивают свою значимость в Новое время. Конструирование социальной реальности имеет, поэтому, гуманистическое значение. Конечно, некоторые конструкты, такие как национал-социализм, большевизм, расизм и т.п. не могут быть признаны устойчивыми и перспективными для человечества

Великие ученые, изобретатели, представители литературы, искусства, генерирующие революционные идеи, создающие новые теории, совершают прорыв в науке, технике и в других областях интеллектуальной деятельности человека. Именно данный ими огромный толчок к прогрессу во всех областях жизни, определяет при соединении с энергией всей массы людей уровень цивилизации и гуманизации общества.

Знание – это убежденность в валидности и действенности тех или иных интенциональных конструкций. Когда-то колдовство считалось знанием, сегодня фьючерсные сделки считаются знанием. Социальная реальность неизбежно содержит элементы веры и убежденности, в том, что используемые здесь и сейчас порядки символических значений функциональны, действенны и плодоносны.

Жизненный мир – это допредикативная реальность, т.е. она не выражается через логические отношения $S - P$, она отрефлексируемая и воспринимаемая как данность. Достоверность жизненного мира не ставится под сомнение, пока внешние обстоятельства не проблематизируют его. Внутри естественной установки жизненного мира существуют вместе физические объекты, мифологические герои, ценности, слухи, установки, а также методы различения между набором объектов разной природы.

Хабитуализация (рутинизация у Вебера), типизация – процедуры обустройства интерсубъективных умweltов. Социальные сети как медиа осуществляют хабитуализацию виктимности, потребления, иррациональности происшедшего.

Обустройство жизненного мира – это его согласование, настройка, негоциация с другими жизненными мирами. Проблематизация жизненного мира – это естественный процесс ощущения неудовлетворенности своей экзистенциальной оболочкой, что происходит на стыках с другими мирами, а также во время прохождения через акме своего развития.

Воспроизводство общества на новом этапе развития, его сборка и становится для индивидов жизненным проектом. Интернализация жизненных миров родителей происходит при первичной социализации, при вторичной расширяется зона контактов с множеством чужих умweltов.

Экстериоризация – созидание из интенциональных объектов учреждений, институтов. Это не просто оформленные юридические лица, а исторические интенциональные умweltы. Так, каждое государство – это целый мифопоэтический жизненный мир со своей мечтой. До тех пор, пока в нем есть творческая сила генерировать достижимую рациональную утопию, живо и государство. Чем больше масштаб жизненного мира мифа, тем больше государство. В XX веке противостояние шло между капиталистическим мифом США и социалистическими утопиями СССР. Сегодня идет обновление мифологием демократии и рынка. Китай генерирует гибридный проект традиции и новации. Так идеология становится легитимацией символического порядка. Социокультурная модель идеологии интерпретирует политические процессы как означивание индивидуального жизненного мира внутри институциональных механизмов.

Социальный порядок есть интерсубъективный продукт множества живущих и ушедших поколений, создавших не только материальную основу жизнедеятельности, но и нравственность, ценности, право, науки и искусства. Социальная реальность – это множество набросков, проектов, которые симультанно пестуют миллионы людей. За этими проектами стоят вековые социокультурные контексты, сущность которым мы не всегда осознаем в процессе связывания нового социокультурного бутстрапа. Особенность современного символического освоения социальных конструктов заключается в том, что Зона ответственности переносится на самого получателя. Анонимность – признак типа передачи знаний и социального опыта технократической эпохи.

Вторая область, где Бергер плодотворно развил феноменологические идеи – это психология религии и такие социальные эпифеномены верований

как секуляризация, институционализация религии, нетрадиционная религиозность, светская культура как инобытие христианства. Модернизация автоматически означает уменьшение влияние религиозных институтов. Что происходит со священной завесой?

Хотя трансцендентный план бытия как значимая реальность отсутствует или далек от горизонтов повседневной жизни для доминирующего количества граждан, не испытывающих никакого дискомфорта от этого, несмотря на эту уничтожительную для религии констатацию, П. Бергер снова и снова доносил до внимания своей аудитории, что будет ошибкой утверждать, что трансцендентные сигналы потеряли значимость для всех людей.

В «Священной завесе» (Sacred canopy) он проводит мысль, что без этого сапору социальная жизнь была бы невозможна, будь-то кочевая юрта, буддийский тент, индуистская чатра, авраамический шатер, византийский павильон или купол хай-тек церкви. Общество само ткёт этот священный балдахин и через его узоры осмысливает мир.

Ревизия дофеноменологического отношения заключается в признании иррационального, мистического, религиозного в качестве одних из агентов и операторов смысла, поддерживающих стабильность определенных жизненных миров. Внимательное отношение ко всем идеям отличает феноменологию как учение, изучающее роль индивидуального и коллективного сознания в развитии. Общество – это совместный проект наиболее сильных идей, однако его актуализация не закончилась и в какой-то момент может иметь точка сборки самых неожиданных проектов и мечтаний. Важно отметить, что в проекции социального участвуют самые «незначительные» представления и смыслы.

Ведущий отечественный философ В.А. Кутырев так оценивает значение феноменологии сегодня: «Сейчас феноменология востребована как никогда и более актуальна, чем любое другое направление в истории мысли. Это высшая форма трансцендентализма, адекватная порыву человечества из предметной реальности «вверх», в невесомость, где мир не вес(щ)ит, к виртуальному, иному. Только в таком контексте можно понять ее подлинное значение» [5, с. 133].

Трансцендентализм феноменологии явно проступает в проекте гештальт-психологии (М. Вертхаймер, В. Келер), которая рассматривает внутренние конфликты как тупики самосознания и для их преодоления учит пациента кооперации с другими фрагментами своей жизни, является посредником между синергетикой и феноменологией. С другой стороны, известно, что и феноменология и теория гештальтов являются разновидностью

трансцендентализма. Философские предпосылки последней сформировались под влиянием феноменологических идей об интенциональности сознания, целостности и непосредственности восприятия.

Гештальт – это образно-смысловой кластер, состоящий из множества элементов, каждый из которых обладает собственной значимостью и репрезентативностью. Допустим, это образ леса, состоящего из множества подсистем. В процессе восприятия могут быть актуализированы (конкретизированы) разные качества гештальта: лес целиком, отдельное дерево в контексте леса, мох под деревом, птица на ветке и т.д. Важным свойством, объединяющим теорию гештальтов и синергетику является то, что существенные свойства объекта нельзя понять путем суммирования свойств их частей, т.к. само образование имеет особые гештальт-качества не сводимые к совокупности частей. Теорию гештальтов разработал австрийский психолог Х. Фон Эренфельс, ученик Ф. Brentano, одного из предтеч феноменологии. Ж. Деррида указывает на понятийный изоморфизм двух направлений: «Слияние гештальтпсихологии и феноменологии было легко предсказуемо. Причем не тогда, когда Гуссерль должен был, как дает понять М. Мерло-Понти («Феноменология восприятия», р. 62, п. 1), «подхватить» в «Krisis» «понятие “конфигурации” и даже Gestalt'a», а напротив, потому что Гуссерль с самого начала полагал, на первый взгляд, небезосновательно, что предоставил в распоряжение Gestaltpsychologie собственные понятия, в частности, понятие «мотивации» (ср. «Ideen I », § 47, р. 157, прим. авт. и «Картезианские размышления», § 37), которое появилось уже в Логических исследованиях, и понятие организованной целостности, унифицированного многообразия, возникающее еще в «Philosophie der Arithmetik» (1887–1891)» [3, с. 210]. Известно также, что Э. Гуссерль стремился преодолеть узость структурализма гештальт психологии и сама феноменология родилась как способ генетического исследования состояний сознания, однако здесь феноменология лишь ближе становится к синергетике, которая больше интересуется эволюцией систем, нежели их морфологией.

Сложные психические явления в гештальт-психологии объясняются таким же образом, как и параметры порядка, задающие новое развитие системе в синергетике: параметр-аттрактор подавляет другие возможные варианты узнавания гештальта. В случае, если есть конфликтующие гештальты, за каждым из них закрепляется параметр, однако как только один пресыщается, другой отпадает (допустим, на картине соединены элементы пожилой и молодой женщины, испытуемый видит только одну, не замечая второй), т.е. процесс восприятия не является пассивным, он подобен конструированию (как

и абстрактное мышление), но вместо понятия, суждения, умозаключения, используются иные гештальт-средства, презентативные символы, качества, формы, структуры. При этом мы не осознаем, как происходит конкретизация «точки сборки» объекта, конвергенция восприятия (опыты стереоскопа, голографии, иллюзии перспективы, непропорциональность явленного размера удаляющегося объекта его отпечатку на сетчатке).

Оценивая значение психологии для гуманитарной парадигмы, можно отметить, во-первых, ее влияние на создание эмпирического базиса познания личности. Как Декарт и Фихте, Гуссерль не может очистить феномены от эмпирических наслоений, однако он стирает границы между метафизикой и психологией. Во-вторых, психологический подход помог феноменологии, стать ключом к раскрытию восточных психотехник, философии Веданты и йоги, раскрыть их универсальное социокультурное значение. Третье достижение психологии состоит в продвижении особой социокультурной терминологии феноменологии: конкретизация, жизненный мир, конститутивность, интенциональность, интерсубъективность, габитуальность, типизация.

И, наконец, инспирированная психологией, феноменология создает терминологический аппарат описания генезиса заблуждений. Исследование aberrаций ведет свою историю от разделения алетей и докса в античности, развивается в духовных традициях Запада и Востока (гьяна и майя, престиж как обман), продолжается в идолах Ф. Бэкона и детализируется в психологии (стереотипы, шаблоны, схематизм, редукция, обобщения). Психоанализ связал появление разных комплексов с негативным детским опытом (насилие, игнорирование эмоциональных потребностей, наблюдение аморального поведения близких). Холотропная психология, нейрофизиология генетических энграмм, вслед за индуизмом и буддизмом, указывают на возможность переноса психофизиологических импульсов (самсары, скандхи), трансляции родовой памяти как устойчивых иллюзорных комплексов и установок. Феноменология обращается к психологической процедуре редукции для самопознания человека и открытия чистого сознания.

Список литературы:

1. Вайда Д.М. Феноменология и литературоведение // Теории, школы, концепции (критические анализы). Художественное произведение и личность: отв. ред. Ю.А. Борев. М.: Наука, 1975. С. 5–10.

2. Гуссерль Э. Феноменология (статья в Британской энциклопедии) // Логос. 1991. № 1. С. 12-21.
3. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб: Акад.проект, 2000. 430 с.
4. Куренной В.А. К вопросу о возникновении феноменологического движения // Логос. 1999. № 11-12. С. 156-182.
5. Кутырев В.А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). СПб: Алетея, 2018. 527 с/
6. Salice A. The Phenomenology of the Munich and Göttingen Circles // Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. Edward N. Zalta. Publication date, 3 Aug 2015. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/phenomenology-mg/>

References:

1. Vaida D.M. Fenomenologiya i literaturovedenie // Teorii, shkoly, kontseptsii (kriticheskie analizy). Khudozhestvennoe proizvedenie i lichnost': otv. red. Yu.A. Borev. M.: Nauka, 1975. S. 5–10.
2. Gusserl' E. Fenomenologiya (stat'ya v Britanskoi entsiklopedii) // Logos. 1991. № 1. S. 12-21.
3. Derrida Zh. Pis'mo i razlichie. SPb: Akad.proekt, 2000. 430 s.
4. Kurennoi V.A. K voprosu o vzniknovenii fenomenologicheskogo dvizheniya // Logos. 1999. № 11-12. S. 156-182.
5. Kutyrev V.A. Cova Minervy vyletaet v sumerki (Izbrannye filosofskie teksty KhKhI veka). SPb: Aleteiya, 2018. 527 с/
6. Salice A. The Phenomenology of the Munich and Göttingen Circles // Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. Edward N. Zalta. Publication date, 3 Aug 2015. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/phenomenology-mg/>

Сведения об авторе:

Тимощук Елена Андреевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО Владимирский филиал Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (Владимир, Россия)